

ОТ РЕДАКЦИИ. Наталья Медведева, жена писателя Эдуарда Лимонова. Первые семнадцать лет жизни прошли в Ленинграде, где она окончила восьмилетку и музыкальную школу, а также успела сняться в фильме "Дневник директора школы". С 75-го года жила в Лос-Анджелесе, где работала манекенщицей, — Нью-Йорк, Токио, Милан... Переехав в Париж в 1983 году, выступает как профессиональная певица... Первый ее роман "Мама, я жулика люблю" вышел в 88-м году на русском языке.

В одном из многочисленных своих интервью Эдуард Лимонов на вопрос, есть ли у него какое-нибудь хобби, сказал: "Да нет, никакого особенного хобби. Вот живу с трудными женщинами каждый раз. Это такая неудоваримая порода. Агрессивность определенная, неудобство, трудный характер. Кто-то меня спросил, не мазохизм ли это. Я проанализировал хорошо и честно и пришел к выводу, что все-таки нет. Очевидно, так интереснее."

Наташа Медведева — женщина, каких мало. Ну кто еще из русских баб пел спиритуэлз с черными, в натуре?! Ее мощный, энергичный, агрессивный даже вокал можно сравнить разве что с великой Дженис Джоплин, ну, в крайнем случае — с Грэйс Джонс, никак не меньше. Была американской фотомоделью, выступала в самых престижных и дорогих русских ресторанах, завоевала сердце Эдички, устраивала шумные акции с небезызвестным Толстым...

Редко встречаешь людей, которых наиболее точно и лаконично можно было бы охарактеризовать емким иностранным словом — "артист", без всяких предварительных и последующих реверансов, комплиментов и расшаркиваний. Наташа обладает уникальным даром, который в старину называли "жестоким талантом".

Отечественная пресса сообщила о том, что 30 марта с.г. после выступления в парижском ресторане "Балалайка" Наташа Медведева подверглась бандитскому нападению, в результате чего от неизвестного она получила несколько тяжелых ударов отверткой в лицо, была сломана рука. Новость эта породила массу слухов и кривотолков. Между тем, Наташа поправилась и чувствует себя превосходно. Она полна энергии и творческих планов, для осуществления которых и приехала в Россию.

Судьба этого интервью непростая. Оно было сделано в августе с.г. в Париже. А в Москве от него отказались сначала "Московские новости" и "Столица" (по причине излишней "крутизны", читай — "желтизны"), а потом — и "Московский комсомолец". Для "Нового Взгляда", кажется, в самый раз.

— "Русская писательница в Париже" — странное определение, не так ли?

— А зачем вы такое "странное" определение мне даете? Я бы просто сказала — писатель. Правда, именно по-французски, в (единственно существующем) мужском роде... Родителей, как и Родину, не выбирают. (Я ни к тому, ни к другому претензий не имею.)

— Когда вы пишете, ориентируетесь ли на перевод или (в первую

Моск. правда - 1992. - 21 нояб. - с. 4

ПРОСТИ, ЛИМОНОВ

очередь) на отечественного читателя, которому, увы, ваши книги еще не знакомы?

— В журнализме, наверное, надо "ориентироваться". Нельзя один и тот же репортаж — об СССР, к примеру, — предложить среднему французцу и такому же среднему гражданину СНГ. Этого не позволит их разный уровень информированности о предмете. Мой репортаж для "Фигаро Мадам" о четырех поколениях русских женщин русским был бы не интересен. ("А-а-а, мы сами это знаем, всю жизнь так живем..." — следовало бы). Как и "Простая советская дама в Париже", напечатанный еще в ленинградской "Смене", парижанина не очень, наверное, привлек бы. К литературе у русскоязычного читателя отношение странное — ему обязательно надо, чтобы по башке огрели: инцест, педофилия, гомосексуализм, исповедь предателя Родины, во! это да! Но, в принципе, это из колонок салонных сплетен. Всем, что ли, стать Додолевыми?.. Тот факт, что в жизни я пользуюсь еще двумя языками, кроме русского, в какой-то степени модифицирует его. Это не значит, что мой русский подстраивается под перевод. Это значит, что я оперирую определениями, канонами, ссылками — если оперирую! — собственными месту, в котором живу. По поводу же "увы" надо обращаться к издателям СНГ.

— Знакомы ли вы с так называемой

мой "женской литературой"?

— Когда я слышу: женская литература, проза, поэзия, антология и т.п. — сразу вспоминаю мою любимую, но, к сожалению, закрытую баню еврейского района Парижа на рю де Розье. В женские дни... В бане, правда, все честнее, чем в женской литературе. Вообще же я к женщинам отношусь... прохладно, мягко говоря. (Себя не исключая.) Но писательство, безусловно, принадлежит мужскому во мне началу — разумному, созидательному. — И именно мужской, "маскулин" стиль, манера выражения, мне и присущи.

— Ваши литературные пристрастия?

— С удовольствием перечитываю Буковского (Чарльза!!!) — "грязного" и полного жизненной энергии "старика". Помню, что Лоренс Дарелль (или, как говорят французы, Дюрелль) произвел впечатление, "Магус" Фуэлса. Ну, Вильям Берроуз и весь набор — Селби, Селин, Батай, Жане... но это какое-то время тому назад. Потом я отдала предпочтение биографиям (как и в кинематографе — документалистике, хронике), вроде Эльмановской "Оскар Уэльд" — жестоко-любовню, без купюр. Интервью серьез-

ные люблю читать, но они крайне редки. Худ. литература последних лет худая, хоть и пишется в основном очень упитанными тетками и дядьками, даже если им меньше 35. Вроде Александра Жардана, которому 27 лет и которого у вас наверняка вовек будут переводить. Как возродить влюбленность в 45 лет или о том, как в возрасте под сорок вновь обрести детство — его темы.

— В чем ваш вкус проявляется ярче всего?

— В том, что мне не нравится: Жванецкий и ему подобные, я бы их всех публично побил! Афиши о выступлении Ансамбля песни и пляски с мерзкой сноской бывшей Советской Армии. Ванесса Паради: Эрика Джонг или Йонг, неважно, одинаково пошло; книга Вл. Михайлова "Эротическая кулинария". Ненавижу "платица", рассказ "Русский" и "молодое поколение, формирующее этих маленьких экспертов, двурушников с заранее назначенной ценой, сопливых болванчиков, которые еще хуже, чем бородатые отцы прошлого". Всех этих советских литературоведов, искусствоведов, киноведов... уф. Экспертов с советскими дипломами.

— Насколько соотносится ваша литературная работа с выступлениями в русских ресторанах?

— Согласно некой Н.Захарченко из г.Ярославля, индекс 150042 — больше о ней ничего неизвестно из письма, полу-

ченного и переданного мне А.Никишиным (это вроде издатель моей книги "Мама, я жулика люблю!") — так вот: "...Медведева... по ночам шабашит (или шантанит — неразборчиво) песенками и проституцией, а днем пишет романы..." Хотя читатель и не знаком с моими произведениями, зато знает уже образ жизни! В принципе, гр.Захарченко в двух случаях не ошиблась — свой первый роман я писала днем, а ночью работала — шабашила, но и шантанила тоже — в кабаре "Распутин". О чем, кстати, тоже уже написала роман (теперь уже начинаю писать с раннего утра, т.к. в кабаре постоянно не работала), для которого и ищу издателя. Проституцией же я заниматься не могу — у меня плохой характер и я не умею ладить с людьми.

Русское кабаре Парижа... в нем все на внешнее рассчитано. Не только само выступление, то есть пение, но и "выступление" в переносном смысле. Грим, костюм, присутствие среди клиентов — это все игра, часть атмосферы этой знаменитой с бьющимися бокалами. (которую некоторые м... принимают за реальность.) Несколькое иное, кстати, рестораны Брайтон-Бича, где я тоже пела — они, в принципе, смесь бывших со-

ветских и сегодняшних кооперативных, где тоже стреляют, такая Одесса-мама. А в письме, в литературе, все внутреннее и предназначено для внутреннего — читаете ведь в уме! Поэтому, может, получается такой странный эффект — реакция-то внешняя! Радио, теле, журналы с фото автора, дебаты, обсуждение...

— Каков ваш круг общения? Комму вы отдаете приоритет: эмигрантам или французам?

— У меня есть французская подружка, бывшая журналистка, ударившаяся в видео. Есть несколько русских знакомых, чтобы не забывать, что такое русская женщина. Есть американская приятельница, похожая на пионервожатую, — большая активистка и устроительница всякой гинекологическо-писательской всячины. Есть кучка знакомых музыкантов, с которыми я не общаюсь, а занимаюсь музыкой. Вообще я не умею поддерживать отношения с людьми. Я люблю сидеть дома одна, ни с кем не общаться и писать песни, громко тарабани на пьяно и воля. Либо я люблю общаться с мужем, только чтобы он не говорил "Наташа, ты не понимаешь...", а читал бы вслух Кавафи... Если же я выхожу из дома "общаться", то обязательно попадаю "в яму". Так говорит мой муж.

— Насколько автобиографичны Ваши произведения?

— Вы же не собираетесь мою биографию писать, какая же разница? Помоему, главное, верите ли вы написанному, понимает ли вас читаемое, интересно ли? Потому что, будь хоть тысячу раз автобиография, если не интересно, кого это трогает?! Это как люди, узнавшие, что вы писатель, сразу предлагающие: "О, моя жизнь такая! В ней было такое! Ой-ей-ей! Ты напиши!" Вот именно, главное — уметь написать, интерпретировать, создать из автобиографического хаоса роман, который будет жить для читателя.

— Литературные и музыкальные проекты/проекты?

— Есть французский писатель моего возраста Марк-Эдуар Хаб — злючка, талантливый, видимо, саркастично-цинический автор бурлесков. Так он в последней книге, на странице, где перечислены уже изданные произведения автора, указывает и проекты! У него там 6 романов в работе, 26 идей и все уже с названиями... Присоединяюсь к давнишнему возгласу Бахчаняна "Жопы сидят!" И издатели и музыкальные деятели именно сидят на своих ж... в то время, как мир, шарик наш грязно-голубой, вертится с неизменной скоростью. Бедный Лунгин, над которым Франция взяла шефство, в каждом своем появлении по теле успеваешь сказать два-три предложения. — И это не из-за его дефекта речи: времени нет! даже для подшефного! И в то же время — год нужен, чтобы пластинку записать! Это когда у вас уже все на мази — и тексты, и музыка, и продюсер, и черта в ступе! Все эти бесконечные ланчи-бранчи-подлники — деловые, конечно! — которые оплачивает издательство или фирма пластинок. (А потом они удивляются, почему так дорого обошелся "продукт"! Все эти приживалы (вокруг, полновесные девочки и мальчики, сидящие в офисах и отвечающие по телефону своими гнусаво-ленивыми головами, не умеющие произнести правильно фамилию с четвертого раза, хотя все они (конечно!) "инглиш спикинг". — Тысяча и одна условность, контракт на десять страниц, который без десяти же словарей понять нельзя... Какие тут проекты?! На сентябрь 92-го года в СНГ у меня не напечатано и того, что написано было в 85-м году.

...Буду пытаться мою музыкальную идею протолкнуть: "XX век — монстры". Уже написана основная часть песни, одну записала с Митей Шостаковичем, он аранжировал, "В.И.Ленин" называется, может, удастся записать еще одну здесь, в Париже "Thank you, Mister Gorbachev". Вообще я хотела с советскими музыкантами что-то поробовать, помоему они не настолько еще скурвились, как местные. Хотя я мало знаю ваших "гениев", да и меня не знают. Точно знаю, что тусовки меня не интересуют — на них обычно поклонники, прилипалы, — а "гений" дома работает. Ну разве что раз в полгода попадаю "в яму". Прости, Лимонов.

Ярослав МОГУТИН.